

12 декабря 1953

СОВСЕМ, КАК В ЖИЗНИ...

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В ОТ УЖЕ лет десять на сцене наших театров широко ставятся произведения драматургов Владимира Константинова и Бориса Рацера. Их пьеса «Десять суток за любовь» вышла в 1969 году на первое место среди вообще всех произведений, которые играли драматические театры.

Что же это за пьесы? Чем завоевали они свое место под «театральным солнцем»?

Прежде всего драматурги всегда пишут о современности. Какой бы датой ни отмечено появление пьесы, события ее неизменно происходят сегодня. Скажем, особую остроту обрела проблема среднего технического образования — появляется соответствующая пьеса. Широко обсуждаются вопросы поступления юношей и девушек в высшие учебные заведения — и об этом пишут Константинов и Рацер... Словом, многое из того, что всплывает на поверхность жизни, находит у них отклик в драматургическом действии. И все легко узнаваемо.

В самом деле, у кого из нас дети не сдавали экзамены в вузы и кто (простите!) не искал своих давно забытых школьных друзей в приемных комиссиях? Какая мать не мечтает женить сына на его подруге детства, благо оба семейства давно знакомы? А кто из молодых жен не сетовал на увлечение мужа — футболом ли, модными ли песенками, тем, что отвлекает его от дома, от семьи? А интерес ко всякого рода старине — и положительная, и комедийная его сторона?

Все такое знакомое, такое «жизненное», такое похожее на то, что происходит у соседей, у приятелей, даже у тебя самого. Такое модное...

Мода? Может быть, слово найдено? И успех пьес Константинова и Рацера во многом объясняется тем, что они как будто из воздуха (знаете, есть такой фокус в цирке) вылавливают модные темы? Не современные в глубине и основе, а именно модные. Те, которые в данный момент «на кон-

чике» языка людей. Те, о которых говорить легко, потому что они уже обсуждены. Но тем не менее в разговоре о которых легко прослыть чуть ли не первооткрывателем.

Пьесы эти — о молодежи и для молодежи. В центре — юноши и девушки, выбирающие жизненную дорогу. Молодые герои с их непосредственностью чувств, наивным задором, юношеской ветерпимостью. Порой у них возникает некое взаимонепонимание с представителями старшего поколения. Это могут быть родители. Или педагоги. Или инженер на заводе. Может возникнуть даже столкновение... Но частное. И необходимый для построения любой пьесы конфликт (он, как правило, смахивает на частное бытовое недоразумение) естественно и быстро иссякает, и все завершается всеобщим благополучием.

Но не надо забывать о жанре! Константинов и Рацер пишут комедии, легкие, веселые комедии. Элементы сатирического разоблачения в них и не должны преобладать над милым, безобидным юмором. И счастливый финал закономерен, и наивная подчас патавица, на которой строится сюжет. «Законы» жанра!

В соответствии с этими «законами» пьесы обилиют остротами. Например, «У всех мужчин какое-нибудь хобби — кто собирает марки или зажигалки, кто пьет». «А я знаю: идеал современного мужчины — это Софи Лорен... умеющая стирать, мыть полы и еще откладывать с полочки на холодильник!» (пьеса «Десять суток за любовь»), «Халтура — это та же работа, только без перекура и за наличный расчет» (пьеса «Вечером, по-

сле работы»). Остроты, как правило, связаны с тем, что вот-вот обсуждалось нами в реальной жизни. И это делает их особенно «выигрышными».

К тому же авторы обладают большим профессиональным умением в конструировании пьес. С помощью ловко скрученного сюжета они излагают как будто действительно «жизненный случай».

Несостоятельность этих пьес не в том, что в них заложены вредные идеи. А в том, что в них нет идей. Существуют азбучные истины в человеческом общежитии, которые специального обсуждения не требуют. Не следует давать взятку для того, чтобы сын поступил в высшее учебное заведение («Проходной балл»). Учение свет, а неучение тьма, даже если дипломированный инженер получает зарплату на 20 рублей меньше, чем квалифицированный рабочий («Вечером, после работы»). В нашем обществе, лишенном классового антагонизма, брак сына ученого и дочери маляра не может считаться мезальянсом («Неравный брак»). Инженер должен «думать, творить», даже если он на пенсии («Нужный человек»).

Ну же! Все это требует «художественных» доказательств со сцены театра?

Нет, воспроизведение современности в искусстве не есть изложение в форме диалогов обывательских разговоров о житье-бытье. Комедийный жанр отнюдь не предопределяет неперемной бездумности героев. А драматургический конфликт несколько отличается от семейных драг. Словом, за внешней профессиональностью этих пьес — отсутствие подлинного мастерст-

ва, неперемным условием которого является глубина проникновения в жизнь, общественные процессы, характеры.

Круг вопросов, который попадает в поле зрения наших авторов, узок. А глубина погружения в жизненные слои крайне невелика. Несколько сантиметров от поверхности.

Фабула любой из их пьес выглядит примерно так. Игорь любит Таню. Таня с Игорем «дружит». Но Таня встречает Володю, приехавшего в Ленинград с Севера. Володя влюбляется в Таню. Таня влюбляется в Володю и начинает действовать на него облагораживающе. Другой вариант. Лидя любит Кирилла. Кирилл «дружит» с Лидой. Но во время командировки встречает Катю. Кирилл влюбляется в Катю, Катя влюбляется в Кирилла, и так как она дочь маляра, то начинает действовать облагораживающе на интеллигентную семью жениха. Сережа любит Женю. Та соответственно. Но приезжает из деревни Кирилловка Винницкой области Поля и... Далее все по уже раз и навсегда установленным канонам.

Выигрыш всегда за представителями «периферийной жизни», за «простыми» людьми. Они учат жизни детей из состоятельных семей и в итоге сочетаются с ними браком. Если же «иногородних» в пьесе нет, решающую роль играет профессия героя (героини) или их родителей. Скажем, дочь маляра неизменно привлекательней дочери генерала. Почему-то всех своих отрицательных персонажей авторы черпают из среды людей интеллигентного труда.

Пьесы Константинова и Рацера внешне как будто бы од-

на на другую не похожи. Но странно. И в «Инкогнито» и в «Неравном браке» молодые герои занимаются русским языком — в первой «изменением словарного запаса в среде рабочей молодежи», а во второй — фольклором. И оба пишут диссертации. Такая, казалось бы, редкая профессия, а угодила в две пьесы. Остроты в пьесах иной раз также повторяются.

Конечно, основную схему-конструкцию пьесы обогащают более частные события, происходящие с героями, она погружена в мелочи, факты, приметы жизни, она обростает ими, и уже кажется живой. В эту схему оказываются вмонтированными характеры героев или то, что подменяет истинные характеры и чему очень трудно придумать название. В свое время широкое применение имели театральные ампулы — молодая героиня, инженер, основная героиня, но это на сцене. Как назвать те «обкатанные» персонажи, которые населяют пьесы Константинова и Рацера? Они очень похожи на живых людей. До удивления. При первом взгляде даже кажется, что это живые люди. Характеры. Но нет! Это — маски. От постоянного употребления эти маски не изнашиваются. Похожесть на жизнь сохраняется. А потому их можно безболезненно перемещать из одного произведения в другое. Менять имена. Ставить в разные обстоятельства. Монтировать в каркас сюжета.

Увы, за сюжетами этих пьес стоит не сама жизнь, а очень похожий муляж. Нет ничего, что было бы из плоти и крови, из нервов и клеток. Это даже не моментальный снимок,

ибо тот предполагает абсолютную точность воспроизведения. В пьесах же явления реальной жизни зафиксированы с внешней, иллюзорной приближенностью к правде, которая и обманывает.

...В табачных киосках стали недавно продаваться медальоны (их называют «кулоны с фотоминиатурой»), на которых воспроизведены лучшие произведения живописи разных эпох и разных народов. На длинной цепочке висят за стеклом киоска «Неизвестная» Крамского, мадонны Леонардо да Винчи и Рафаэля. Протяни в окошко два рубля восемьдесят копеек — и шедевр у тебя на шею. Картинка воспроизведена с тщательностью. В крошечном варианте можно угадать пленительность оригинала, особенно если он тебе знаком и воображение дорисует недостающее. И тем не менее «удешевленный» Леонардо оскорбляет взгляд. Великое низводится до ширпотреба. Подобная «дошупность» — враг искусства. Всякого. В том числе и театрального.

Рацер и Константинов каждые несколько месяцев завершают «полнометражную» пьесу. Легкость их пера порой превосходит все границы. Вот вот спектакли, словно воздушные шары, взлетят к колосникам. А вдруг драматурги эти — люди молодые и явно не без способности — умеют писать иначе, серьезней, глубже? Хочется сказать им: «Дорогие товарищи драматурги. Подумайте о зрителях. Наконец, о самих себе. Подумайте. И остановитесь в своем пьес-марафоне».

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ.

М 2 ДЕН 1975

П Р А В Д А
Г. Москва